

УДК 94 (47+57)

Дубровский А.М., доктор исторических наук, доцент, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского (Россия)

НЕФОРМАЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФЕССОРОВ В 1917-1923 гг.

В среде российских профессоров и студенчества во второй половине XIX-начале XX в. действовали кружки. В них обсуждались научные и общественно-политические вопросы. После революции 1917 г., в 1920-х гг., профессора Москвы и Ленинграда продолжали использовать эти кружки как неформальные объединения, где можно было свободно общаться. Информация о содержании разговоров в одном из кружков сохранилась в Академическом следственном деле. Профессора Московского университета собирались друг с другом систематически, порой на этих собраниях присутствовали и петербургские профессора. Главными участниками собраний были Ю.В. Готье, М.К. Любавский, М.М. Богословский, Д.Н. Егоров, А.И. Яковлев, С.В. Бахрушин, С.К. Богоявленский, С.Б. Веселовский. Иногда приезжал С.Ф. Платонов и информировал своих коллег о политических новостях. Обычно профессора обсуждали разные темы — политические новости в СССР и за рубежом, выборы в Академию Наук, деятельность Наркомпроса, эмиграцию, интервенцию в СССР. Они были недовольны политической системой в СССР и считали, что эта система рухнет, так как основную часть населения СССР составляло крестьянство — мелкобуржуазный класс. В конце 1920-х гг. этот кружок прекратил существование.

Ключевые слова: профессорские кружки, университетская традиция, обсуждение обстановки в стране, критика политики советской власти

DOI: 10.22281/2413-9912-2018-02-04-21-28

Кагастрофический поворот, который принесла Октябрьская революция в судьбу русской исторической науки, её деятелей, создал совершенно новые условия для жизни и работы учёных, в частности историков. Началась реорганизация старых научных и образовательных учреждений, основывались новые. В университетскую среду стали приходиться иные люди — марксисты — с чуждыми старой профессуре взглядами. Всё большее значение в жизни учёных приобретала политика власти, крутая, со всё расширявшимся влиянием. В этой обстановке особую роль начали играть кружки, в которые объединялись московские и петроградские (ленинградские) профессора. Теперь их называли старыми специалистами и расценивали как элемент, чуждый новому, возникавшему обществу. Только здесь, в кругу близких друзей и коллег, им можно было совершенно открыто обсуждать важнейшие вопросы судьбы исторической науки и их собственной. Поэтому особый интерес и представляют собой эти кружки, темы разговоров во время собраний, высказывания и настроения участников этих собраний. Всё это до недавнего времени было совершенно неизвестно исследователям судьбы исторической науки в советский период отечественной истории. Главное внимание в статье сосредоточено на кружке московских профессоров, который объединял в себе видных деятелей науки.

Такие кружки возникали в дореволюционный период ещё во второй половине XIX в. Для более раннего времени характерны были литературные салоны в дворянском обществе. Судя по ряду мемуаров и дневников, можно восстановить более или менее типичные черты профессорских неформальных собраний в дореволюционное время.

Задолго до революции, судя по воспоминаниям С.Ф. Платонова, регулярные собрания проходили в доме петербургского профессора К.Н. Бестужева-Рюмина по вторникам [9, с. 104-133]. В 1890-х гг. действовал кружок молодых историков, юристов и экономистов под председательством П.Г. Виноградова [Богословский М.М., 1987, 85]. «Кружок собирался раз в месяц...», — вспоминал Богословский, — На этих собраниях читались и обсуждались рефераты по истории, по истории права и экономики. Это было как бы небольшое, частное историческое общество» [7 с., 85]. Кружок просуществовал до 1898 г., то есть около восьми лет, до учреждения при университете официального исторического общества [7, с. 87].

В письмах А.Е. Преснякова есть сведения о собраниях по средам у С.Ф. Платонова. Первое известие относится к 1890-му г. [1, с. 55]. В том же году Пресняков упоминал кружок Н.И. Кареева, который собирался по вторникам, куда Пресняков был приглашён [1, с. 148]. Пресняков входил и в кружок Г.В. Форстена, собиравшийся по субботам [1, с.

181, 531]. Действовал кружок А.С. Лаппо-Данилевского. В 1894 г. Пресняков отмечал, что на собрании у Платонова «мы много толковали об университетских отношениях» [1, с. 128]. Вместе с тем эти кружки были местом развлечения. «А "кружок"! – писал Пресняков матери, – Боже ты мой, да это кружок взрослых детей, весёлых школьников – и только. Серьёзные врозь, шалят и болтают пустяки вместе. Читали мы вместе рассказы Короленко, Ожешко, статьи Овсяннико-Куликовского...» [1, с.183].

Помимо кружков, в который входили главным образом студенты, существовал одновременно и «кружок русских историков», как назвал его в своих письмах Пресняков в апреле 1897 г. [1, с. 378, 380]. Это был кружок чисто профессорский по своему составу. Он существовал отдельно от «младших». В восприятии современников, кружки, в которых формировались личности, были ступенькой к «общественности», к общественно-политической деятельности [1, с. 503].

В Москве деятельность таких кружков была связана с поколением учеников В.О. Ключевского. Более ранних сведений о регулярных неформальных собраниях московской профессуры не обнаружено. Ряд известий о такого рода собраниях в 1910-х гг. содержится в дневнике профессора Московского университета М.М. Богословского.

Обычно такой кружок собирался в доме у одного из его участников. Кроме обычных дружеских связей собравшихся объединяли профессиональные интересы. Так, вечером 4 ноября 1915 г. (среда) у Богословского собирались В.А. Михайловский, С.К. Богоявленский и Д.Н. Егоров. «Разговор с ним, нельзя ли подействовать на Герье с целью возрождения Исторического общества», – записал автор дневника [6, с. 99]. 29 ноября (воскресенье) собрался тот же круг людей. Среди обсуждаемых тем Богословский отметил деятельность правых партий и возрождение Археологического общества [6, с. 110]. 12 декабря (суббота) профессора собрались у Д.Н. Егорова. Здесь были Готьё, Савин, Айхенвельд Богоявленский. «Разговор об адресе Герье и о депутатии завтра, об Историческом обществе, о театре и др.» [6, с. 115]. 16 декабря (среда) – «вечером у Ю.В. Готьё на большом собрании ученых мужей, где были

Д.Н. Егоров, Шамбинаго, Ушаков, Орлов, Богоявленский, Яковлев, Веселовский Сухотин, Любавский. Говорили о возрождении Исторического общества». Кроме того в разговорах были затронуты и политические темы – о положении на фронте [6, с. 116-117]. 20 декабря, в воскресенье, «было собрание у Герье по поводу возобновления Исторического общества. Были: Любавский, Савин, М.Н. Розанов, Егоров» и Богословский [6, с. 118]. 28 декабря у Богословского собрались П.И. Беляев, Егоров, Яковлев, Готьё. «П.И. Беляев любит специальные разговоры по вопросам русской истории и русского права, его интересующим. Мне тоже интересно поговорить с ним о Русской правде и о крестьянском праве. Но нашу учёную публику трудно занять чем-нибудь кроме сплетен пустых и глупых, и у нас с П.И. долгое время был только диалог, на которые прочие не обращали внимания. Только за чаем одно время разговор о новейших работах по феодализму сделался общим» [6, с. 120].

2 января 1916 г. Богословский записал: «Вечером у Алексея Павловича [Басистова], где были В.А. Михайловский, Холь и С.К. Богоявленский. Собираемся так уже 5-й или 6-й раз» [6, с. 125]. 7 февраля (пятница) вместе с Богоявленским, Егоровым и Яковлевым был на блинах у Веселовского [6, с. 143]. 12 февраля перед защитой диссертации Флоровского для знакомства с ним Богословский собрал у себя Савина, Готьё, Любавского, Веселовского и Кизеветтера [6, с. 144]. Сам Богословский должен был выступить оппонентом на диспуте у Флоровского. 2 марта у Богословского состоялось «собрание профессоров и приват-доцентов по русской истории для установления учебного плана на следующий учебный год: были Готьё, Панов, Яковлев, Бахрушин, Любавский, а также С. Конст. Богоявленский и Веселовский» [6, с. 155]. 4 апреля (понедельник) Богословский провел «вечер у Савина, где были П.Г. Виноградов, Егоров, Богоявленский, Гершензон, Гензель и Яковлев. Сначала мы выслушали обзор военных событий на Западном, Восточном Кавказском и Балканском фронтах. Затем разговор разбился» [6, с. 173-174]. 5 мая Богословский записал: «Вечер провел у М.К. Любавского по случаю приезда в

Москву С.Ф. Платонова. Были кроме Платонова: Грушка, Готье, Филиппов, Яковлев и Веселовский. Разговор о войне в бодрых тонах, затем о петроградских диспутах, о неизбежном Бороздине и т.д.» [6, с.185-186]. 10 мая у Богословского обедали Платонов, Любавский, Готье, Яковлев и Богоявленский. «Разговор о минских торжествах и речах, о Петре Великом, а затем о войне, политическом положении. По уходе С.Ф.[Платонова], уезжающего в Петроград, мы посидели ещё за чаем, обсуждая дела нашего Университета» [6, с. 187]. 24 декабря по случаю приезда из Петрограда профессора А.А. Васильева, византиниста, Богословский в 4 часа дня прибыл к Егорову. «Были Любавский, Савин, Готье, Пичета, Богоявленский..., беседовали за чаем» [6, с. 282].

4 февраля 1917 г. Богословский был у Готье вместе с Егоровым, Любавским, Яковлевым и Шамбинаго» [6, с. 301]. 18 февраля Богословский провел вечер у Любавского в обществе петроградских гостей – Платонова и Васенко, которые приехали на диспут Яковлева. Были также Филиппов, Готье, Савин, Егоров и Веселовский. «Разговоры о недостатке хлеба, о петроградских происшествиях, а затем совещались о подготовительных мерах к будущему съезду русских историков» [6, с. 308]. 19-го состоялся диспут (защита диссертации) Яковлева, после которого Яковлев позвал к себе на обед Богословского, Любавского, Платонова, Васенко, Кизеветтера, Готье, Львова, Черепнина, Бахрушина. «Я сидел рядом с Платоновым и Бахрушиным, - писал Богословский. – Первый рассказал мне о завтраке у в. кн. Николая Михайловича, от которого мы с М.К.[Любавским] уехали с Бахрушиным мы вели разговор о моей полемике с Веселовским; он очень её порицает; чего я и ожидал. Было множество тостов. Веселовский сказал, отвечая на тост Кизеветтера о дружбе между московскими историками, что теперь пробежали кошки, и потянулся со мной чокаться, на что я с удовольствием отвечал» [6, с. 309].

В связи с рассмотрением профессорских кружков обращают на себя внимание две записки от Бахрушина к Яковлеву, которые сохранились в архивном фонде Бахрушина. В первой, более ранней, Бахрушин сообщил, что «в воскресенье 25-го марта [1912 года], в 8

час. вечера я собираюсь в кругу друзей прочесть два своих отрывка: о ценз[уре] и о демокр[атических] городских думах. Я бы очень хотел послушать Вашу изящную критику...» [5, л. 38]. Во второй записке Бахрушин писал, что «в пятницу у меня собирается, по выражению Мих[аила] Мих[айловича Богословского] общее собрание Академии, и я надеюсь, что Вы тоже не откажетесь зайти часов в 9» [5, л. 38]. Обе записки отражают деятельность кружка профессоров Московского университета. Что интересно отметить, это то, что на собрании 25 марта 1912 г. собравшиеся должны были обсудить сочинения Бахрушина на политические темы.

Итак, в университетской среде и в Петербурге (Петрограде) и в Москве действовали кружки профессоров, на заседания этих кружков приглашались и некоторые студенты. Были и кружки, главным образом студенческие по составу. Таких студентов объединяла личность научного руководителя, старшего товарища. Здесь было не только научное общение, но и просто развлечения молодых людей.

Рассмотрение приведённых немногочисленных, но вполне достоверных источников позволяет сделать следующие выводы о характере кружка как питерских, так и московских профессоров. В первую очередь это дружеские собрания коллег, целью которых было обычное общение близких и давно знакомых друг другу людей. Изредка на эти встречи допускались ученики (Л.И. Львов, Л.В. Черепнин). Строго фиксированных дней для встреч по имеющимся источникам не заметно но это не значит, что их вовсе не было. Поводами для собраний московских историков были диспуты, приезды в Москву петроградских историков. Обычные житейские разговоры сочетались здесь с обсуждением профессиональных и политических тем. Во время Первой мировой войны политические темы стали обсуждаться чаще.

Традиции неформальных объединений продолжались и после Октябрьской революции. Так, известно, что в 1920-х гг. в Петрограде действовало несколько кружков. Это был кружок молодых историков – объединение аспирантов и преподавателей университета (около 30 человек) [10, с. 19-77]. Он возник в конце 1920-го или в самом начале 1921-

го г. и состоял преимущественно из учеников С.Ф. Платонова, Е.В. Тарле, Н.И. Кареева и др. На собраниях кружка бывали и профессора. «Кружок был неформальной организацией, не имел устава, и посещение его заседаний вовсе не было обязательным. Участников объединяли профессиональные интересы, профессиональный инстинкт, принадлежность к определённой исторической школе, преданность старшим наставникам, мэтрам, как носителям её традиций» [3, с. 82]. Деятельность кружка подпитывала дефицит общения на научной почве, стремление удовлетворить научные интересы.

После 1920 г. возник «салон» Тарле. Здесь собирались по средам. В «салоне» бывали академики Н.П. Лихачёв, В.П. Бартольд, М.М. Богословский, В.П. Бузескул. Сюда допускались и молодые историки по личному приглашению Тарле. На собраниях читались и обсуждались рефераты [3, с. 83]. Здесь, видимо, действовала та же потребность в научном общении при свёртывании и исторического образования, и деятельности научных журналов.

Опираясь главным образом на следственное Академическое дело, Б.В. Ананьич смог выявить ряд кружков, существовавших в Петрограде-Ленинграде в 1920-х гг. Это кружок, действовавший под руководством А.И. Заозерского по определённой исследовательской программе. Члены кружка изучали историю крупного землевладения в России в XVIII-XIX вв. Это кружок учеников А.С. Лаппо-Данилевского, которые также имели свою исследовательскую программу. Заканчивая дело, начатое ими в семинарии их покойного учителя, они составляли каталог русских частных актов. Это кружок учеников Кареева. В 1925 г. на квартире у М.Д. Присёлкова организовался кружок, занимавшийся историей искусства и церкви. Под руководством И.М. Гревса действовал кружок его учеников, занимавшихся средневековой историей, палеографией, источниковедением. Известен кружок И.Д. Андреева. Бывшие студенты археологического отделения университета организовали кружок «Новый Арзамас». «Простое перечисление кружков свидетельствует о довольно оживлённой неформальной творческой деятельности историков в Петербурге-Ленинграде в 1920-е. Это была

естественная форма научного общения, противоречившая, однако, правительственному курсу на установление контроля над исторической наукой и введению её в строгое русло официальной идеологии», - сделал вывод Б.В. Ананьич [3, с. 84].

Некоторые известия о послереволюционных неформальных объединениях, действовавших в Москве, содержатся в дневнике Готье, описывавшего события своей жизни в 1917-1922 гг. Готье отмечал изредка неофициальные встречи профессоров и темы разговоров между ними. Главными темами были политическая ситуация, положение университета и другие профессиональные вопросы. «Много говорили всё о том же; выхода, кажется, никто не видит; говорили об университете, положение которого экономическое столь же безнадежно, как и положение России», - писал Готье 6 января 1918 г. [8, с. 105]. 10 марта он отметил: «Вчера мы обедали с Любавским в тесном кругу, в квартире Веселовского, предлогом было поднесение ему книг (сборников статей, изданных в его честь – А.Д.), а настоящей причиной – отвести душу, забыться хотя бы на один вечер. ...Много и легко говорили, и преобладающими нотами были ноты патриотические» [8, с. 119]. И дальнейшие записи Готье говорят о том, что историки старались разобраться в происходящих событиях и их истоках - «от чего пошло и кто во всём виноват» [8, с. 203]. Важное место в общих разговорах занимала судьба университета. Так, 12 марта после долгого совещания по поводу работы преподавателей Московского университета и реорганизации историко-филологического факультета у Богословского собрались кроме Готье Любавский и Яковлев [8, с. 269]. Пресняков упомянул о собрании историков у Богословского 3 июля 1918 г. [1, с. 795]. Обсуждался вопрос о том, что Любавский согласился стать во главе московского архивного дела заместителем Д.Б. Рязанова. 11 (24) апреля Готье отметил собрание у Бахрушина, «где был весь состав русских историков, а также Савин и Егоров» [1, с. 281]. Под «русскими историками» в то время понимали специалистов по отечественной истории.

8 ноября 1920 г. Готье записал, что в Москву приехал Платонов. «Собрания у

меня, у Бахрушина, у Богословского. С.Ф. читал лекцию о родовых чертах в потомстве императора Павла и Марии Федоровны. Он не сказал ни одного пошлого слова о царской семье и почти ни слова о Николае II» [1, с. 429]. Судя по этой записи, на собраниях историков время от времени обсуждались и доклады на исторические темы.

Уникальным историческим источником, свидетельствующим о кружке московских историков, являются материалы следствия с показаниями арестованных историков в ходе Академического дела. Следователи хотели усмотреть в среде историков заговор, поэтому обращали внимание на круг общения каждого, кто был под следствием и, в частности, их внимание привлекли профессорские кружки. В следственном деле московские историки назывались группой, «московской группой» (как часть членов антиправительственного заговора), а собрания кружков определялись как собрание «группы». Вместе же московские и ленинградские историки определялись следствием как «организация» или «Всенародный союз борьбы за возрождение свободной России». Эти термины должны были принять и подследственные и употреблять их в своих показаниях.

На допросах Готье указал на то, что собрания историков начались до Первой мировой войны, а закончились в 1929 г. По словам Готье, основателями «тесного кружка историков в Москве ещё в довоенное время» были Любавский и Богословский. Арестованные показали, что членами кружка («группы московских историков») были Богословский, Любавский, С.К. Богоявленский, Готье, Яковлев, Бахрушин, Веселовский, Петрушевский, Егоров, редко В.Н. Бочкарёв. Готье указал ещё на участие А.А. Кизеветтера (выслан из страны в 1922 г.). На некоторых собраниях присутствовали более молодые историки [4, л. 3]. Они были учениками представителей старшего поколения. Эти молодые люди в 1920-е гг., получив высшее образование, готовились стать научными работниками. «Основной и начальной причиной сближения между старшими и младшими были научные интересы, состоявшие в передаче молодым научных методов и знаний. За передачей методов и знаний следовала вторая

стадия сближения – прививка молодому поколению традиций научной школы, восходивших к Московскому университету, к первой половине XIX в. и связывавшихся нами с именами историков Соловьёва и Ключевского. Обеспечение научной смены должно было стать и обеспечением научных традиций», - говорил на следствии Готье [4, л. 40].

У Готье собирались по субботам, у Бахрушина по воскресеньям вечерами, у Яковлева тоже в воскресенье, но в дневное время. Относительно двух последних Готье заметил, что собрания у них проходили каждую неделю; к Бахрушину «члены группы приходили по собственной инициативе». Собрания кружка происходили у Любавского не в фиксированные дни, а по специальному зову, а иногда – после заседания Общества истории и древностей российских, составляя как бы его продолжение. Собирались также у Богословского. Не всегда кружок собирался в полном составе. Так, у Яковлева по воскресным дням постоянно были некоторые лица, а полный состав круга московских историков собирался редко. Заметно, что в новых политических условиях профессора сплотились. Кружок московских историков стал собираться систематичнее, быть может, даже чаще, чем до революции.

«Основное ядро нашей группы, - говорил Готье, - Любавский, Богословский, Егоров, Яковлев, Бахрушин, Богоявленский, Веселовский, Готье» [4, л. 55]. Большинство из них жили по соседству – на Арбате, который ещё до революции был районом Москвы, где часто селились профессора Московского университета.

Что происходило на собраниях этого кружка? Какие темы обсуждались? Как признавался Готье, на этих собраниях «довольно много места» занимали беседы на политические темы; «систематических обсуждений не было; обсуждался то один, то другой вопрос» [4, л. 55]. Бахрушин говорил о том, что «обсуждались вопросы академического и общеполитического характера, как то: об выборах в Академию Наук, об экономическом положении СССР, о деятельности Наркомпроса, научных учреждениях и обществах, о положении молодёжи и интеллигенции вообще, о крестьянстве и политике Соввласти по отно-

шению к последнему, о заграничных новостях, об эмиграции и интервенции по отношению СССР со стороны иностранных государств. На наших заседаниях обычно сообщались политические новости, и по поводу них завязывалась текущая беседа, во время которой каждый высказывал свою точку зрения. Господствующей нотой было недовольство существующим в СССР политическим строем» [4, л. 134 об., 207].

К сожалению, обобщенная характеристика тем разговоров не даёт возможности отнести их к тому или иному году. По той же причине, за редким исключением, невозможно проследить, как с течением времени эволюционировали воззрения, настроения собиравшихся, темы их разговоров.

Насколько можно усмотреть из показаний участников этих встреч, первую группу обсуждаемых тем, составляли темы политические. Говорили и о внешней и о внутренней политике. Политическая ситуация определяла и судьбу науки, поэтому даже по сравнению со временем Первой мировой войны интерес к политическим темам ещё более вырос. «Общий тон был критикующий, часто полный насмешки и горечи», - признавался Готье [4, л. 5]. Среди историков были реакционеры и умеренные, по словам Егорова. Как говорил Готье, «все важнейшие мероприятия внутренней политики были также предметом критики. Осуждалась как слишком резкая классовая политика правительства и партии. В своё время сочувствовали нэпу, видя в нём хотя и частичное, но окончательное отступление революции. Критиковали кооперативную политику, суля ей провал. К культурной революции относились со скептицизмом. Кажется, только образование СССР было встречено с одобрением», «мы хотели видеть в этом шаг к воссозданию прежней России» [4, л. 5].

Во время разговоров важным вопросом был вопрос о будущем государственном строе, который должен будет сменить непрочный советский строй. Как вспоминал Готье, «не раз говорилось о возможности возврата монархии; по этому поводу велись споры. Толковали о возможных кандидатах, причём назывались два имени: Николая Николаевича и Кирилла, но оба имени встречали возражения: первое по отсутствию де-

мократических прав, а второе – как личность» [4, л. 4].

Нужно сказать, что воззрения московских профессоров были разными. До революции многие из них были сторонниками конституционно-демократической партии. Ректора Московского университета Любавского и до революции его ученик Бахрушин считал консерватором. После свержения монархии портрет Николая Второго ещё висел в кабинете у Любавского. По словам Бахрушина, высказываясь о перспективах развития страны в кругу членов кружка, Любавский видел в монархе воплощение сильного национального государства. Судя по некоторым признакам, в среде историков оставались живы прежние, кадетские, воззрения, а, быть может, под влиянием революции, московские учёные даже эволюционировали вправо. Так, Яковлев предполагал, что монархия будет абсолютная, без парламента, без муниципального управления - «никаких дум, никаких земств». Большинство скептически относилось к «свободам» [4, л. 207].

Пытаясь понять перспективы развития страны, историки связывали их с тем, что большинство населения СССР составляли крестьяне. Как говорил Бахрушин, «уверенность, что советскому строю предстоит рано или поздно падение, основывалось на наличии в СССР многомиллионной крестьянской массы, по существу мелкобуржуазной. Во всей революции видели в первую очередь борьбу крестьянства за землю. Веселовский, например, высказывал мнение, что в ней нашёл выражение переход крестьян от общины к хуторской системе хозяйства, процесс, аналогичный которому наблюдался, по его словам, в Западной Европе. Сам я долгое время тоже думал, что декретом о передаче земли в пользование трудового крестьянства завершилась аграрная революция в России и что в дальнейшем пойдёт освоение отдельными крестьянами земли на основе частной собственности. Господствовавшей была аграрная программа Яковлева, заключавшаяся в том, что после ликвидации советской власти будет произведён раздел, и путём раздачи в собственность отрубков будет выделена наиболее экономически сильная группа крестьянства, которая и будет служить оплотом будущей монархии» [4, л. 208].

По словам Готье, «много говорилось о вопросах внешней политики, об отношении СССР к буржуазной Европе и, в частности, к Германии, Франции, Англии, а также САСШ» [4, л. 4].

Вторая группа вопросов, которые обсуждались в московском кружке, – это вопросы о положении интеллигенции, состоянии науки, Академии наук. «Неистоимой темой разговоров были события в Академии наук, о которых информировали Платонов, Богословский и Любавский – говорил Бахрушин. – Все реформы, имевшие целью приблизить старую Академию к коммунистической науке..., встречали общее недовольство... Точно так же отрицательно относились к произведённой советской властью реорганизации университета: к отмене научных степеней, к новой системе назначения профессоров, к участию студенчества в университетской жизни; считали новых профессоров недостаточно знающими, а новый состав слушателей недостаточно подготовленными»

[4, л. 210-211]. Очень горячо обсуждалась деятельность Наркомпроса, Главнауки и особенно М.Н. Покровского, к которому члены кружка относились неприязненно.

Таким образом, протоколы Академического дела дают возможность представить в основных чертах облик кружка московских профессоров в 1920-е гг., их откровенные суждения, взгляды и настроения. В своих показаниях Платонов назвал его «петербургско-московским дружеским кружком историков» [4, л. 32]. Однако, это не было просто дружеское собрание. Участники кружка вкладывали в свою деятельность особое содержание – передачу научных традиций ученикам. Порой слушали доклады, хотя, в отличие от других кружков, эти собрания не были подлинно научными заседаниями. В них смешивались разные черты и профессиональные (по месту работы), и научные (по интересам), и политические (по идейной направленности в отношении положения в стране), и дружеские.

Список литературы

1. Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники. 1889-1927. СПб., 2005.
2. Академическое дело 1929-1931 гг. Вып. I. Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. СПб., 1995.
3. Ананьич Б.В. О воспоминаниях Н.С. Штакельберг // In memoiam. Исторический сборник памяти Ф.Ф.Перчёнка. М.;СПб., 1995.
4. Архив управления ФСБ по С.Петербургу и Ленинградской области. П.65245. Т.8.
5. Бахрушин С.В. Письма А.И. Яковлеву. Архив РАН. Ф.624. Оп.3. Д.29.
6. Богословский М.М. Дневники 1913-1919. М., 2011.
7. Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие). М., 1987.
8. Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997.
9. Платонов С.Ф. Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2.
10. Штакельберг Н.С. «Кружок молодых историков» и «Академическое дело» // In memoiam. Исторический сборник памяти Ф.Ф. Перчёнка. М.;СПб., 1995.

INFORMAL ORGANIZATIONS OF MOSCOW AND SAINT PETERSBURG PROFESSORS IN 1917-1923

In the second half of 19th century and in the beginning of the 20th century there emerged circles of Russian professors and students where the participants discussed scientific and socio-political issues. After the revolution of 1917, during the 1920s some professors of Moscow and Leningrad universities continued to use these circles as informal organizations for free debates. It is possible to have information about content of these debates thanks to materials of Academic case. Moscow university professors had systematical meetings where Petersburg professors were presented from time to time. I.V.Gotie, M.K. Liubavskii, M.M. Bogoslovskii, D.N. Egorov, A.I. Iakovlev, S.V. Bakhrushin, S.K. Bogoiavlenskii, S.B. Veselovskii were the main participants of these meetings. Sometimes S.F. Platonov visited them and informed his colleges about political news. Usually professors discussed different themes – political news in USSR and foreign ones, election in Academy of sciences, economic situation in USSR, Narcompros activity, emigration, intervention in USSR. They were disagreed with Soviet political system and supposed that this system will be crash down in future because the main part of the population of the USSR is peasantry – petty bourgeois class. At the end of the 1920s this circle stopped existing.

Keywords: academic circles, university tradition, academicians' case, academic organizations, university reform (in USSR), discussion of the situation in the country, criticism of the Soviet government police

References

1. Alexander Evgenievich Presniakov. Pisma i dnevniky. 1889-1927 [Letters and diaries]. SPb., 2005
2. Akademicheskoe delo 1929-1931 [Academic case]. Vip.1.Delo po obvineniu academica Platonova [Case of academician Platonov]. SPb., 1995
3. Ananich B.V. O vospominaniakh N.S.Shtakelberg [On N.S. Shtakelberg's memoirs] // In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiaty F.F. Perchionka. M;SPb., 1995.
4. Arhiv upravleniya FSB po Peterburgu i Leningradskoi oblasti. P.65245. T.8.
5. Bakhrushin S.V. Pisma A.I. Iakovlevu Arhiv RAN. F.624. Op.3. D. 29. [S.V. Bakhrushin's letters to A.I. Iakovlev].
6. Bogoslovskii M.M. Dnevniky 1913-1919 [Diaries]. M., 2011.
7. Bogoslovskii M.M. Istoriografia, memuaristika, epistolaria (nauchnoe nasledie) [Historiography, memoirs, epistolaria (scientific heritage)]. M., 1987
8. Gotie Iu.V. Moi zametky [My notes].M., 1997.
9. Platonov S.F. Neskolko vospominanii o studencheskih godah [Some memoirs about student years] // Dela i dny. 1921. Kn. 2.
10. Shtakelberg N.S. "Kruzhok molodih istorikov" i "Akademicheskoe delo" ["The circle of young historians" and "Academic case"] // In memoriam. Istoricheskii sbornik pamiaty F.F. Perchionka. M;SPb., 1995.

Об авторе

Дубровский Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского (Россия), E-mail: alexdubr48@mail.ru

Dubrovskii Aleksandr Mihailovitch – Doctor of History, Docent, Department of Russian history, International Relation and International Law, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovskiy, E-mail: alexdubr48@mail.ru